

ВЛАДИМИР
ТРЕТЬЯКОВ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Аннотация

Ташлинск — это небольшой городок районного масштаба, и именно в нем работает и живет капитан милиции Владимир Родионов. Большинство из тех дел, которые ему довелось вести, не представляют особого интереса. Но среди всего этого массива есть и такие, которые выпадают из общего ряда.

В первой повести из цикла — «Дела минувших дней», капитану Родионову предстоит раскрыть тайну исчезновения молодого ученого, которому, судя по всему, удалось изобрести некий прибор, который он назвал — дубликатор...

Владимир Третьяков

Исчезновение

«Дело» 1993 года

Вступление

Сознание возвращалось медленно, как бы, толчками. Вначале человек открыл глаза, но не увидел перед собой ничего, кроме радужных пятен. Ощупав руками то ложе, на котором он лежал, попытался сесть, но это ему не удалось — все тело источало боль, словно это была одна большая гноящаяся рана. Хотелось кричать, но сил не имелось даже на это, да и во рту была такая сушь, что кричи, не кричи — ничего кроме тонкого, едва различимого писка, выдать из себя не удалось бы.

Человек лежал в темноте, потеряв счет времени, пока пятна постепенно не исчезли, а боль перестала быть такой лютой. В неярком свете, исходящем от небольшого оконца с грязными стеклами, человек увидел, что находится в каком-то захламенном подвале, где повсюду валялись фанерные и картонные ящики, пустые бутылки и

консервные банки. Сам он лежал на старом продавленном диване, когда-то шикарном, но теперь дошедшем до крайней степени изношенности. Из многочисленных дыр в обшивке торчали пучки чего-то очень отдаленно напоминающего шерсть, и исходил тошнотворный запах мочи, перемешанный с чем-то отвратительно кислым, от чего приходилось сдерживать дыхание.

В подвале кроме него, больше никого не было. Решительно не понимая, каким образом его занесло в такое место, человек перевернулся на живот и вторично попробовал сесть. Теперь это ему, хоть и с огромным трудом, но все же удалось. Боль пока не исчезла, но не была уже такой острой, и все еще заполняя собой каждую клеточку тела, позволяла хотя бы немного двигаться.

Сидя на диване, человек осмотрелся внимательнее и понял, что время от времени подвал бывал обитаемым. У дальней стены сооружено некоторое подобие стола, вокруг которого стояло несколько ящиков. Вялая, какая-то тягучая мысль, о том, кем могли быть постояльцы столь убого жилища, пришла в голову, но тут же ее перебила другая: «А кто же я сам такой?». Спустя несколько томительных секунд, а, возможно, даже минут, человек с ужасом понял, что не может ответить и на этот, казалось бы, самый простой вопрос.

И все же инстинкт самосохранения, заложенный в каждом существе, способный подчинить себе все остальные чувства, победил и на этот раз. Остаться в чужом, даже столь отвратительном на вид и неохраняемом, но все же жилище, неопределенно долго было опасно. И человек, решился. Он встал и, шипя от боли начал потихоньку передвигаться к чуть-чуть приоткрытой двери. Несколько раз останавливался и, привалившись к грязной стене, вытирал тыльной стороной ладони капли холодного пота со лба. Но вот он выбрался наружу и с жадностью начал вдыхать прохладный ночной воздух, давая себе отдых и оглядываясь по сторонам.

Двор, в котором человек стоял, был для него так же неизвестен, как и подвал. Темные, и как будто нежилые окна окружавших его домов, арка, ведущая на улицу... Постояв в нерешительности еще немного, он направился к ней. По пути оглянулся на дверь подвала, словно пытаясь запомнить это место, а затем, засунул руки в карманы курточки, направился к выходу на улицу.

Но и она не смогла дать ответ о том месте, где он находится. И тогда человек пошел вперед по освещенному редкими фонарями тротуару, так и не осознавая, куда же он его ведет. Начало уже светать, когда его остановил патруль. На простые

вопросы блюстителей порядка человек не отвечал, выглядел, как пьяный или наркоман, а потому его решено было доставить в отделение для выяснения личности. Там его посадили в «обезьянник», где он некоторое время неподвижно сидел на лавке, тупо глядя в одну точку. Дежурный некоторое время пытался злословить в адрес задержанного, но тот никак не реагировал на обидные и даже оскорбительные реплики, и лейтенант оставил его в покое. Через некоторое время, оторвавшись от журнала с кроссвордом, он увидел, что человек, подогнув ноги, лежит на лавке и спит.

А через час с небольшим, он вдруг вскочил так резко, как будто его неожиданно ударил разряд электрического тока. Обхватив руками голову, задержанный присел на корточки. Лицо его исказилось гримасой боли, а из горла вырвался хриплый возглас. Похолодевший от ужаса лейтенант с трудом разобрал слова: «Я вспомнил, я вспомнил все!», после чего человек рухнул ничком на бетонный пол. Пришлось вызывать врача. Тот осмотрел задержанного, но определил только, что тот не употреблял накануне спиртного и, скорее всего, наркотиков тоже. Впрочем, поставить диагноз доктор не успел — задержанный пришел в себя и сказал, что чувствует себя хорошо. Он назвал себя Аркадием Вороновым, аспирантом университета, а свое состояние объяснил редкой

болезнью, приступы которой способны на время выключать память. Дежурному осталось только проверить услышанные сведения, после чего он решил отпустить задержанного.

Вскоре Аркадий Воронов вошел в общежитие, где он жил, открыл дверь своей комнаты и, подойдя к кровати, не раздеваясь, рухнул на нее. Некоторое время он просто лежал с закрытыми глазами, собираясь с мыслями и силами, а потом, незаметно для себя, уснул.

Сон его был беспокойным, он вздрагивал, временами открывал глаза, бессмысленно глядя перед собой, и снова проваливался, как в яму, но ровно в семь часов уже следующего утра Аркадий проснулся свежим и бодрым как некогда.

Он не спеша привел себя в порядок, выпил кофе и начал складывать в обширную дорожную сумку свои небогатые пожитки. Покончив с этим, Аркадий перебрал книги на полке, выбрал несколько самых ему нужных, положил их сверху вещей, а остальные оставил лежать на подоконнике. Присев на краешек кровати, он несколько секунд посидел молча, как бы прощаясь со своим жилищем, затем легко поднялся, надел курточку и, взяв в руки сумку, вышел из комнаты.

На первом этаже Аркадий направился к

телефону — автомату. Аппарат был занят — светловолосая девушка в спортивном костюме кому-то на том конце провода рассказывала о достоинствах нового вида диеты. Аркадий опустил сумку на пол и стал терпеливо дожидаться, пока блондинка наговорится. Та вскоре заметила, что она не одинока в своем желании поговорить, буркнула в трубку: «Ну ладно, я потом тебе перезвоню, а то тут уже очередь образовалась», освободила телефон, и, подняв на Аркадия глаза, сказала: «Привет, Воронок!».

Однако это приветствие так и осталось без ответа — Аркадий уже набирал номер телефона. Блондинку такое невнимание заметно удивило. Она отошла, обиженно надув губки, и оглянулась, недоумевая по поводу поведения своего хорошего знакомого. Но он так и не посмотрел на нее, продолжая свое занятие. Когда в трубке раздалось: «Алло, профессор Воронов слушает вас внимательно!», он несколько мгновений выжидал, а затем начал говорить каким-то странным, лишенным всяческих эмоций голосом:

— Евгений Иванович, это я, Аркадий. —
Здравствуйте.

— А, Аркаша, привет! — ответил Евгений

Иванович. — Что случилось?

— Я звоню вам, потому что сейчас уезжаю.

— Не понял? Ты где пропадал эти два дня, не звонил? Что у тебя стряслось?

— Ничего у меня не стряслось. Просто мне сейчас необходимо срочно уехать.

— Надолго?

— Да, я думаю, что навсегда. Евгений Иванович, я ухожу из аспирантуры.

После этих слов пауза затянулась настолько, что Аркадию пришлось окликнуть своего собеседника: «Алло, Евгений Иванович, вы меня слышите?»

— Да слышу, слышу, — отозвался его собеседник. — Просто пытаюсь переварить сказанное. Ты что, разыграть меня хочешь, а? Как так, уйти из аспирантуры?!

— Так нужно.

— Бред какой-то... — до Евгения Ивановича

наконец-то дошло, что с ним не шутят. — Ты идиотом, что ли неожиданно стал? Тебе ведь до защиты рукой подать! Тебе ведь сейчас пахать и пахать нужно, как трактору. Ни черта не понимаю...

— Я и собираюсь пахать. Поеду домой, буду с отцом работать. Так нужно. — Упрямо повторил Аркадий.

— Что значит — «Так нужно»? Кому это нужно?

— Мне нужно... и не только мне.

— Не пойму... Не могу я понять этого твоего дуrolомного юмора. Слушай, а может быть, ты меня все же разыгрываешь? Или тебя кто-то обидел?

— Никакого розыгрыша, Евгений Иванович. И не обижал меня никто. Просто я понял, что не хочу становиться ученым. Да все нормально, вы не беспокойтесь, я пересмотрел свои взгляды на жизнь, и пришел к выводу, что когда-то сделал неправильный выбор.

— Ну, мил друг, знаешь ли... — Евгений

Иванович даже задохнулся от возмущения. — Так дела не делаются. Захотел — надумал, захотел — передумал. Давай-ка, не будем пороть горячку, дуй сейчас ко мне, посидим, поговорим, рюмку чаю под это дело выпьем. Подумаем не спеша, с чувством, с толком... Авось, решим чего-нибудь. Давай...

— Нет, — все тем же упрямым и бесцветным голосом проговорил Аркадий. — Я уже все обдумал и решил. Через час уезжаю. Вы мои документы заберите. Пусть они пока у вас полежат. Я как-нибудь попозже заеду за ними. Ну, всего вам, до свидания!

Евгений Иванович еще что-то кричал в трубку, но Аркадий не слушая, дал отбой и, закинув сумку на плечо, вышел на улицу. Его собеседник после разговора еще некоторое время в глубоком раздумье держал в руке телефонную трубку, затем медленно положил ее на рычаг. Он ровным счетом ничего не понимал. Его лучший аспирант, более того, родной племянник, принял дикое, необъяснимое никакими логическими построениями, решение. Зачем ему так скоропалительно понадобилось ехать домой, бросив дело, которому он решил посвятить всю жизнь? Еще несколько дней тому назад они вместе строили планы, даже не на год, а на десятилетия

вперед, и вдруг такой резкий поворот. А может быть, все же что-то случилось? Нечто такое, что заставило парня сломя голову бежать подальше от этих мест. Нашкодил, годы-то молодые... Хотя, вряд ли, не такой человек Аркадий, чтобы шкодить. А если и так, то дядьке своему, с которым у него сложились вполне доверительные отношения, он бы непременно рассказал. А может — амуры? В его годы, да при его-то внешности... Евгений Иванович улыбнулся и как молодой конь встряхнул головой. Наверняка этот поганец выкинул фортель по женской части, а теперь вынужден спасаться бегством от последствий. Хотя, опять же, не такой он человек, чтобы бежать от подобных страстей. Воспитание у него не то. Возможно, просто устал, ведь все последнее время он работал как проклятый.

Евгений Иванович щелкнул пальцами и потянулся.

«Ничего, пройдет неделька, другая — все утрясется и вернется, племяш, никуда не денется», — подумал он и, остановившись на этой мысли, вернулся к себе в лабораторию, в твердой уверенности, что спустя совсем немного времени опять зазвонит телефон и знакомый Аркашкин голос произнесет: «Евгений Иванович, это я,

Аркадий, я вернулся!».

Глава 1

«Жигуль» с натугой выбрался с грейдера на асфальт, фыркнул и, набирая скорость, помчал меня в сторону Знаменки. Колеса иногда попадали в лужи, и тогда раздавалось короткое, характерное шипение, а по обе стороны от машины летели брызги.

Из включенного приемника лилась приятная легкая музыка, которую сменил информационный выпуск. После международных новостей диктор перешел к другим темам, и одна из них показалась мне интересной:

«Наш корреспондент передает из Красноярска:

Вчера ночью многие жители нашего города могли наблюдать интересное атмосферное явление. Около двух часов дня в небе появилось мерцающее сияние золотистого цвета. Одновременно с этим слышалось низкое гудение, как от работы некоего механизма. Постепенно вид сияния стал меняться: он медленно переходил от одного цвета к другому. Явление продолжалось в течение получаса, затем все постепенно начало сгущаться, собираясь в одну точку и, наконец, исчезло. Вместе с этим исчез и звук. В научных кругах явление пока не получило ясного объяснения. Молчат и